

СВОЮ ЛЕНИНГРАДСКУЮ симфонию я писал быстро. Я не мог ее не писать. Кругом шла война. Я должен был быть вместе с народом, я хотел создать образ нашей сражающейся страны, запечатлеть его в музыке. С первых же дней войны я сел за рояль и начал работать. Я жил тогда в здании консерватории, находясь вместе со многими моими коллегами-музыкантами на казарменном положении как боец отряда противовоздушной обороны. Отрывался от работы только во время дежурств, воздушных тревог, а это бывало довольно часто.

Мне хотелось написать произведение о наших днях, о моих современниках, которые не жалели сил и жизни во имя победы над врагом. В эти дни я, выходя на улицу, с болью и гордостью смотрел на любимый город. Он стоял опаленный

но замысел разросся. Главное, что мне казалось важным раскрыть в музыке, — это любовь к людям, составляющим оплот культуры, цивилизации, жизни. Я писал свою симфонию о них. В обычных условиях они только честно работают. В минуты серьезных испытаний оказывается, что они герои. Памяти этих героев, чья смерть приносит победу, посвящена кульминация первой части — траурный марш, трагический взлет, массовый реквием. «Обыкновенные» люди чтят память героев. Сначала мне очень хотелось, чтобы здесь были слова. Я чуть было сам не начал писать их. Потом обошелся без текста и рад этому. Музыка выражает все значительно сильнее. После всеобщей скорби — личная, может быть, скорбь матери. Такая скорбь, когда уже и слез не осталось. Конец первой части светлый, лирический. Ис-

нии блокады, — эти 15 человек решились: во что бы то ни стало должна быть исполнена Ленинградская симфония здесь, в Ленинграде.

В оттаявших студиях радиокомитета оркестр начал работать. Но пока не была получена из Москвы партитура Седьмой симфонии, оркестр репетировал другую музыку, для начала выбирая вещи полегче, — ведь артисты очень ослабли за зиму...

И вот 5 апреля 1942 года состоялся симфонический концерт, первый концерт в Ленинграде после тяжелых месяцев зимы.

Огромный зал Театра имени Пушкина был полон: ленинградцы еще в зимних ватниках, еще не совсем очнувшиеся после зимы, пришли на концерт. Только что закончилась уборка города — последняя великая битва истощенных людей с зимним льдом. Поднялся занавес, и ленинградцы увидели: на эстраде сидят музыканты. Они не в ватниках, а в костюмах. Они бережно держат в руках свои музыкальные инструменты. Вот пришел дирижер Элиасберг, худой и темный, как все, но во фраке. Он строг, движения его властны, в каждом его скупом жесте видна непреклонная воля музыканта, человека, который внутренне вырос и возмужал за эти месяцы фронтовой жизни.

А через месяц в Ленинград прибыла партитура Седьмой симфонии. Жадно взял ее в руки Карл Ильич Элиасберг, и в первую же минуту ему стало ясно, что исполнить Ленинградскую симфонию в Ленинграде нельзя: она требовала удвоенного оркестра. Нужен был оркестр не менее чем в сто человек. Столько музыкантов в Ленинграде теперь было найти невозможно.

Но Седьмая симфония должна была быть исполнена в Ленинграде, на своей родине! И вот Седьмую симфонию стал поднимать весь Ленинград — его армия, его фронт.

По распоряжению Политуправления фронта и флота к оркестру радиокомитета были прикомандированы лучшие музыканты из армейских и флотских оркестров. Когда в город прибыли все необходимые артисты, прибыли прямо с фронта, оркестр начал репетиции.

Наконец 9 августа была назначена премьера Седьмой симфонии. Белоколонный зал филармонии был ярко освещен, и весь его праздничный, торжественный вид соответствовал возбужденному и приподнятому настроению ленинградцев. Зал быстро заполнялся. Сюда пришли стахановцы, бойцы ПВО, партийные и хозяйственные работники, командиры армий, защищающих Ленинград, писатели и артисты.

На сцену вышли музыканты. Огромная эстрада филармонии оказалась заполненной, за пультами сидел большой сводный ленинградский оркестр.

За дирижерский пульт астал Элиасберг. Долгими аплодисментами встречают дирижера собравшиеся. Эти аплодисменты — награда дирижеру за труд, упорный и настойчивый труд, создавший оркестр, за творческую, быструю подготовку симфонии в тяжелых условиях осажденного города. Мгновение полной тишины — и начинается музыка.

И ленинградцы — все, кто находится в зале, все, кто слушает музыку по радио, знают, что это о них. Они знают, что враг готовится к штурму, что он попытается обрушить на Ленинград новые жестокие испытания. Но страшный год блокады не ослабил защитников города, не испугал их, а лишь закалил их волю, плава ее в огне и остужая во льду.

Люди стали сильнее, выносливее, спокойнее — доказательство тому хотя бы этот концерт, концерт в осажденном и блокированном городе, где враг стоит у самых стен его.

И воодушевленные Седьмой симфонией, своей, ленинградской симфонией, ленинградцы уходят с концерта, полные уверенности в силе и мужестве стойкого человеческого коллектива, называемого Ленинградом...

ЛЕНИНГРАДСКАЯ СИМФОНИЯ

«Когда пушки гремели» — так называется книга, которую готовит наша газета вместе с издательством «Искусство». Один из разделов этой книги посвящен рассказам деятелей культуры о работе в годы Великой Отечественной войны. Сегодня мы публикуем записанные Е. Семеновым воспоминания Д. ШОСТАКОВИЧА, посвященные истории создания Седьмой симфонии.

пожарами, испытывавший все страдания войны. Ленинград боролся. Это была мужественная борьба.

Дни войны с особой остротой поставили вопрос о роли работников культуры. Мы защищаем свободу, честь и независимость нашей Родины. Мы боремся за лучшие в истории человечества идеалы. Мы деремся за свою культуру, за науку, за искусство, за все то, что мы создавали и строили. И советский художник не мог стоять в стороне от той исторической схватки, которая велась между разумом и мракобесием, между культурой и варварством, между светом и тьмой.

Собственно, в этом заключается программность Седьмой симфонии. Она выражена и в надписи на титульном листе: «Нашей борьбе с фашизмом, нашей грядущей победе над врагом, моему родному городу — Ленинграду я посвящаю свою Седьмую симфонию».

...Утром 16 сентября 1941 года за мной в консерваторию заехала машина радиокомитета. В этот день я должен был выступать по радио. По дороге нас захватила очередная воздушная тревога. Наконец мы в студии. Помню, я тогда начал свое выступление так:

— Час тому назад я закончил партитуру двух частей большого симфонического сочинения. Если это сочинение мне удастся написать хорошо, удастся закончить третью и четвертую части, то тогда можно будет назвать его Седьмой симфонией. Для чего я сообщаю об этом? Я сообщаю об этом для того, чтобы радиослушатели, которые слушают меня сейчас, знали, что жизнь нашего города идет нормально. Все мы несем сейчас боевую вахту... Советские музыканты, мои дорогие и многочисленные соратники по оружию, мои друзья! Помните, что нашему искусству грозит великая опасность. Будем же защищать нашу музыку, будем же честно и самоотверженно работать...

Я закончил симфонию в декабре 1941 года, уже находясь в городе Куйбышеве.

Начиная работу над ней, я думал, что уложусь в одну часть. Постепенно

тинная человеческая любовь к себе подобным: довольно слов о погибшем. И только последние такты — отдаленный грохот: война не кончилась.

Наверное, нет оснований раскрывать словами программность всей музыки симфонии, тем более что в отличие от первой части, более конкретной, остальные принимают характер обобщения. В свое время я снял программные подзаголовки частей, которые должны были носить такие конкретные наименования, как I — «Война», II — «Воспоминания», III — «Родные просторы», IV — «Победа». Поэтому, очевидно, и самый финал симфонии я определял для себя как звучащую со всех концов земли торжественную, нарастающую рду, избегаю в этом определении «конкретных фактов».

Вот что припомнилось мне в связи с работой над Седьмой симфонией.

Самым волнующим для меня было исполнение этого произведения в блокадном Ленинграде. И здесь я хочу привести прекрасный рассказ об этом исполнении, который сделали О. Берггольц и Т. Макогоненко, таким образом еще раз воздавая своему восхищению героическим ленинградцам, моим землякам.

«В марте 1942 года пришла в Ленинград весть о том, что в Куйбышеве исполнялась Седьмая симфония Шостаковича. Вскоре состоялось первое ее исполнение и в Москве. Но ведь это была наша симфония, ленинградская, она родилась в Ленинграде в самые критические для него дни, и молодой автор ее впервые рассказал о своем произведении из студии нашего радиокомитета.

В тот же вечер в радиокомитете собрались все музыканты. Их было очень немного — всего 15 человек. Некоторые за это время ушли в армию — защищать город, некоторые были больны, другие, не выдержав тягот блокадной зимы, погибли. Но эти 15 человек вместе с художественным руководителем радиокомитета — 15 закаленных бойцов ПВО, квалифицированных музыкантов, людей, прошедших сквозь все тер-

Шостакович